

ГЕДОНИСТИЧЕСКОЕ САМОУБИЙСТВО В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ПУШКИНА: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

ГРИГОРИЙ ДАШЕВСКИЙ

В статье анализируется использование мотивов «ранней смерти» в поэзии Пушкина и его современников, прослеживается происхождение этих литературных мотивов. Впервые публикуется один из этих источников — французское стихотворное послание С. С. Уварова «О преимуществах ранней кончины» (1808).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, античное влияние, С. С. Уваров.

Grigory Dashevsky. Hedonistic Suicide in Pushkin's Early Lyrics: Some Notes

This article analyses the use of the theme of early death in the poetry of Pushkin and his contemporaries, and establishes its main sources. One of these sources — S. S. Uvarov's epistle in verse "On the Advantages of Early Death" (1808) — is published here for the first time as an addendum to the article.

Keywords: A. S. Pushkin, influence of antiquity, S. S. Uvarov.

В книге «Лирика пушкинской поры» В. Э. Вацуру описал складывание мифологемы *смерть на пиру* в русской поэзии начала XIX в. — у В. А. Жуковского, А. Ф. Воейкова, других поэтов — и окончательное формирование ее у К. Н. Батюшкова: «в "Моих Пенатах" самые похороны «счастливых молодых» предстают как празднество <...> погребение приобретает ритуальные формы символического языческого празднества» [Вацуру 1994: 101]. Вацуру усматривал в этой мифологеме развитие горацянских и эпикурейских мотивов [Там же: 100–101]. Однако его соображения можно уточнить. Мотив *ранней* смерти на пиру, внесенный в эту мифологему Батюшковым, чужд как собственно античной поэзии, так и антикизирующей «легкой поэзии» Нового времени.

В античной разработке мотива смерти на пиру есть две линии относительно времени смерти или срока жизни — горацянская и анакреонтическая. Горацянская — когда говорится: мы можем умереть в любой момент, поэтому будем веселиться. Анакреонтическая — когда говорится: я буду веселиться до самой старости и самой смерти. В первой линии, если жизнь

именуется краткой, то имеется в виду человеческая жизнь вообще, а не жизнь безвременно оборвавшаяся. Идея ранней смерти может возникать в этой линии только как возможность, а не как *непременный* мотив, поскольку тут важна именно способность смерти прийти в любой момент, неизвестно — когда, и рано, и поздно, и мудрец, соответственно, готов умереть всегда. Эта мудрая готовность составляет ключевой мотив горацянства. Фиксация раннего срока смерти ему бы противоречила и вносила бы чуждую трагическую ноту. Жуковский, которого Вацуро называет непосредственным предшественником Батюшкова в разработке этой мифологемы, еще находится в русле горацянства, когда пишет: «Так, если в цвете лет / Меня возьмет могила <...> / Друзья, без скорбных слез / На прах взирайте друга» (К Б<лудов>у, 1810) [Жуковский 1999–2018: I, 152] — ранняя смерть остается всего лишь возможностью.

Что же касается анакреонтической линии, то ей с ее непременными картинками пирующего и влюбленного старика мотив ранней смерти был чужд по очевидным причинам.

У Батюшкова же тема краткости жизни связана с жизнью, прервавшейся безвременно. В «Элизии» (1810?) ранняя смерть только подразумевается контекстом; в «Веселом часе» (1806–1810) ей дается мотивировка: «Ужели там, на ратном поле, / Судил мне рок сном вечным спать?» [Батюшков 1977: 229]¹, которая из-за своей конкретности и, главное, чуждости и случайности по отношению к топосу пира не может стать его частью. Но в «Моих пенатах» (1811–1812) причина смерти не названа, а формула «жизнь краткая» из-за соседства с «прахом... счастливых молодых» переосмысливается как «жизнь краткая из-за безвременной смерти», — и мотив ранней смерти получает абстрактный и универсальный вид, необходимый для формирования мифологемы *смерти на пиру*, становится ее элементом:

Пока бежит за нами
 Бог времени седой
 И губит луг с цветами
 Безжалостной косой,
 Мой друг! скорей за счастьем
 В путь жизни полетим;
 Упьемся сладострастьем
 И смерть опередим;

¹ Ср. конкретную обусловленность смерти болезнью (ранением) в «Воспоминании» (1807–1809): «Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров, / В сени домашних где богов / Усердный эскулап божественной наукой / Исторг из-под косы и дивно исцелил / Меня, борющегося уже с смертельной мукой!» [Батюшков 1977: 535].

Сорвем цветы украдкой
 Под лезвием косы
 И ленью жизни краткой
 Продлим, продлим часы! <...>
 И путник угадает
 Без надписей златых,
 Что прах тут почивает
 Счастливец молодых!
 [Батюшков 1977: 268–269]
 (здесь и далее курсив мой. — Г. Д.)

Однако у Батюшкова мифологема *смерти на пиру* оставалась комбинацией мотивов, а не логически связным сюжетом²; она не поддавалась рациональному анализу — на вопрос «отчего умерли молодые счастливыцы?» ответ не предусмотрен: таким образом, мотив «ранней смерти» стал своего рода слабым звеном этой мифологемы.

В ранней лирике Пушкина с ее ясностью и рациональностью мотивировок³ дан ответ на этот вопрос — ответ, не разрушающий единства топоса, но превращающий его из *смерти на пиру* в *самоубийство на пиру*. Впервые это сделано в лицейском стихотворении «Мое завещанье (Друзьям)» (1815). Однако, прежде чем перейти к разбору интересующего нас фрагмента этого стихотворения, остановимся на одном вопросе к его тексту.

* * *

Зачин лицейского стихотворения «Мое завещанье (Друзьям)» (1815), увидевшего свет в первом посмертном собрании сочинений Пушкина, и в нем, и во всех последующих изданиях, читается так:

² Ср.: «... [В] поэзии начала XIX в. отмечены разные способы упорядочения перечисленных элементов в единый мотив. Два полюса — нулевая степень упорядоченности (или близкая к ней), предполагающая близкое соседство в стихах всех этих элементов или их существенной части при отсутствии сколько-нибудь выявленной схемы зависимостей между ними (сюжетной, синтаксической, семантической и т. д.), и максимальная степень упорядоченности, при которой перечисленные элементы включаются в сюжетную схему, ставшую одним из наиболее ходких и модных клише в поэзии того времени» [Топоров 1983: 418].

³ Ср. характеристику поэтики Пушкина в статье Белинского «Русская литература в 1841 году»: «Каждое его стихотворение есть отдельный мир, замкнутый в самом себе, полный собственных сил, чуждый всяких не свойственных ему элементов, всего постороннего и лишнего, свободно движущийся в своей сфере. Как верна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущение, так верен у него и всякий образ, каждая фраза, каждое слово. Все на своем месте, все полно, ничего недоконченного, темного, неточного, неопределенного. Определенность есть свойство великих поэтов, и Пушкин вполне обладал этим свойством» [Белинский 1954: 557].

Хочу я завтра умереть
 И в мир волшебный наслажденья,
 На тихой берег вод забвенья
 Веселой тенью отлететь...
 Прости навек, очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 [Пушкин 1999: 121, 123]

Вторую строку можно понять единственным образом: «мир волшебный наслажденья» — это то место, куда «я» собирается «тенью отлететь» после того, как умрет, — то есть это мир загробный. Но нигде в стихотворениях лицейского и петербургского периодов условно-античный загробный мир не изображается как место наслажденья⁴ — ср. его сжатые характеристики в «Тени Фон-Визина»: «В раю, за грустным Ахероном»; «Постыла мне мрачный Флегетон» [Там же: 138]; в послании «Кривцову»: «тихая Лета» [Пушкин 2004: 18] и развернутое описание участи «узников могилы» в стихотворении «К молодой вдове» (1817):

Верь мне: узников могилы
 Беспробуден хладный сон;
 Им не мил уж голос милый,
 Не прискорбен скорби стон;
 Не для них — надгробны розы,
 Сладость утра, шум пиров,
 Откровенной дружбы слезы
 И любовниц робкий зов...
 [Пушкин 1999: 267]

⁴ Уточним, что мы говорим только об условно-античном загробном мире, который отличается от христианского, мусульманского или философского. Правда, в более поздних стихотворениях «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823) и «Прозерпина» (1824) мы наблюдаем другую картину. В первом из них загробный мир описан как «страна свободы, наслаждений», но, во-первых, это сказано в желательном и ирреальном модусе, а на самом деле герой предполагает, что «ничтожество меня за гробом ожидает» [Пушкин 1937–1959: II, 295], и, во-вторых, здесь изображен не условно-античный загробный мир, а посмертная участь души согласно некоему философскому представлению. Случай с «Прозерпиной» интереснее: тот же самый условно-античный загробный мир описан совершенно иначе, чем в ранних стихотворениях: берег Леты изображен как место наслажденья, а «забвенья» поставлено в один ряд с «утехами»: «Видят вечные луга, / Элизей и томной Леты / Усыпленные берега. / Там бессмертье, там забвенья, / Там утехам нет конца. / Прозерпина в упоенье, / Без порфиры и венца, / Повинуется желаньям, / Предаёт его лобзаньям / Сокровенные красы, / В сладострастной неге тонет / И молчит и томно стонет...» [Там же: 319–320]. Но здесь все дело в том, что местом наслажденья загробный мир оказывается не для «отлетевшей тени», а для богини и ее живого любовника.

И в самом «Моем завещании» этот мир называется «тихим» (ст. 3: «тихий берег вод забвенья» (=Леты); перед нами синекдоха для загробного мира вообще) и «грустным» (ст. 47: «грустный берег Ахерона» — такая же синекдоха). Точно так же нигде к загробному миру не прилагается эпитет «волшебный»⁵.

Второй стих «Мир волшебный наслажденья» трудно согласовать и с непосредственным контекстом, поскольку в следующем за ним третьем стихе загробный мир назван «тихим»: соседство двух плохо согласующихся наименований одного и того же локуса кажется неуклюжим. Можно было бы предположить, что «берег вод забвенья», то есть Леты, это промежуточная станция, а «мир волшебный наслажденья» — это окончательный пункт назначения, например, Элизей (ср. в «Прозерпине»: «Элизей и томной Леты / Усыпленные брега» [Пушкин 1937–1959: II, 319]). Но при таком понимании трудно объяснить, во-первых, порядок изложения («мир» идет сначала, «берег» затем) и, во-вторых, бессоюзие — оно заставляет понять «берег» как уточнение к «миру», а не как второй член перечисления, пусть и с нарушенным порядком.

Четвертый стих под воздействием второго можно (с натяжкой) понять так, что тень будет веселой в предвкушении «наслажденья», которое ждет ее в загробном мире, но пятый и шестой стихи уже никак нельзя согласовать со вторым: в них сказано недвусмысленно, что никакого «очарованья» и «отрады» за гробом не будет. Можно ли навек распрощаться с «очарованьем» и «отрадой» и при этом говорить о будущем «наслажденьи»?

Решение этих противоречий напрашивается само собой: во втором стихе надо читать не «мир», а «миг», изменив соответственно и пунктуацию, то есть убрав запятые между 2-м и 3-м стихами:

Хочу я завтра умереть
И в миг волшебный наслажденья
На тихой берег вод забвенья
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!

При такой перемене мы получаем: устранение отмеченных противоречий в описании загробного мира; естественную (вместо натянутой) мотивировку для эпитета «веселой» в 4-м стихе; логичную связь с 5-м и 6-м стиха-

⁵ Исключение — черновики той же «Прозерпины»: «там волшебное забвенья» [Пушкин 1937–1959: II, 833].

ми («миг волшебный наслажденья» станет последним проявлением очарования и отрады жизни и любви, с которыми теперь надо проститься навек); и уместное для начала стихотворения резюме первой половины «завещания» (стихи 10–39) — если понимать «миг» расширительно как предсмертный пир. Именно такое значение слово «миг» имеет в послании «Кривцову» (1817): «Смертный миг наш будет светел» [Пушкин 2004: 18], почти тождественном по сюжету «Моему завещанию» с той только разницей, что в «Завещании», как мы покажем далее, речь идет о добровольной смерти одного из участников пира, а в «Кривцову» собираются покончить с собой все пирующие.

Знаменательным образом, мотив смерти в миг наслажденья настойчиво варьируется в лицейской лирике — ср. в более раннем послании «Князю А. М. Горчакову» (1814):

Дай бог любви, чтоб ты свой век
 Питомцем нежным Эпикура
 Провел меж Вакха и Амура!
 А там — когда стигийский брег
 Мелькнет в туманном отдаленье,
 Дай бог, чтоб в страстном упоенье
 Ты с томной сладостью в очах,
 Из рук младого Купидона
 Вступая в мрачный чёлн Харона,
 Уснул... Ершовой на грудях!
 [Пушкин 1999: 49]

Этот же мотив, скорее всего, лежит в основе темного (не из-за ошибки текста, а из-за сжатости выражения) фрагмента в написанном в том же 1814 г. послании «К Н. Г. Ломоносову»: «Когда ж пойду на новоселье / (Заснуть ведь общий всем удел), / Скажи: “Дай бог ему веселье! / Он в жизни хоть любить умел”» [Там же: 55], то есть, когда буду умирать, пожелай мне веселья в предсмертные минуты. Мы находим его и в послании «К Пушкину (4 мая)» (1815): «Веселье! будь до гроба / Сопутник верный наш, / И пусть умрем мы оба / При стуке полных чаш!» [Там же: 118]; и в стихотворении «К молодой вдове» (1817): «Рано друг твой незабвенный / Вздохом смерти воздохнул / И, блаженством упоенный, / На груди твоей уснул. / Спит увенчанный счастливцем»⁶ [Там же: 267].

⁶ Параллель к образу «увенчанного счастливца», умершего посреди наслаждений, обнаруживается в «Элегии» (1821–1822) Дельвига, где те же мотивы соединены в неожиданной комбинации: «Когда еще я не пил слез / Из чаши бытия, — / Зачем тогда в венке из роз / К теням не отбыл я!» [Дельвиг 1986: 71].

Слово «міръ» отчетливо читается в беловом автографе (ПД 7, л. 1 — фотография в [Пушкин 1999], вкладка б. п.). Однако ошибки в беловиках Пушкина вполне возможны; как замечал С. М. Бонди в статье «О чтении рукописей Пушкина»: «нередко в беловике при переписке возникают свои описки и пропуски. Явившись в процессе механической работы (переписывания), они вызываются влиянием каких-либо посторонних, нетворческих ассоциаций и поэтому трудно восстанавливаемы» [Бонди 1978: 151].

Наши сомнения в уместности слова «мир» в строке «И в мир волшебный наслажденья» поддержал О. А. Проскурин, написавший нам в электронном письме: «Я только не вполне уверен, как ее должно квалифицировать: как ошибку Пушкина в прочтении собственного чернового текста или как опisku. Скорее, это что-то промежуточное: при механическом чтении черновика, без сосредоточения на его подзабытых семантические нюансы, вполне могла произойти подмена одного устойчивого фразеологического сочетания другим, на него похожим (со сходно звучащими и сходно выглядящими словами), даже если текст черновика был вполне разборчивым».

* * *

Излагая в «Моем завещании»⁷ распорядок предсмертного пира и перечисляя по пунктам все его стадии: «до ранней утренней звезды» происходит собственно пирование с друзьями и объятия подруг, а на рассвете — «Когда ж восток озолотится / Во тьме денницей молодой, / И белый топол озарится, / Покрытый утренней росой» — случится сама смерть, которая описана так:

Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона.
[Пушкин 1999: 122]

С точки зрения лексики эти стихи не выходят за пределы, установленные Батюшковым, но тем не менее дают точное указание причины смерти⁸. Ясно,

⁷ В. Н. Топоров привел цитату из «Моего завещания» среди примеров реализации мотива преждевременной смерти молодого певца [Топоров 1983: 423], однако мы бы не стали соединять гедонистическую трактовку ранней смерти с «унылой осенней».

⁸ В стихотворении Ж.-Н.-П. Доранжа «Mes adieux à la vie», послужившем одним из источников «Моего завещания» (связь отмечена в [Пушкин 1999: 619]) нет ничего похожего на эту определенность: «Venez, la tête couronnée, / Ainsi qu'aux pompes d'un festin, / Saisir ma lyre

что слова «сойду путем одним»⁹ означают, что автор хочет умереть тем же способом, каким умер Анакреон и что этот способ имеет какое-то отношение к виноградному «грозду». Впервые это увидел и разъяснил М. Ф. Мурьянов, так прокомментировавший строку «Подайте грозд Анакреона»: «Не странная ли это строка? Гроздья были одинаковыми и до, и после Анакреона <...> Похоже, что в этой строке наброшен покров тайны на недосказанное желание умереть смертью Анакреона, который по преданию задохнулся от виноградной косточки»; затем Мурьянов делает тонкое замечание: «Натуралистическое описание этих подробностей неуместно в таком стихотворении, но о сути нужно было сказать. Здесь юный поэт явил столь острое чувство меры, какое можно ждать только от мудреца» [Мурьянов 1995: 59].¹⁰

Действительно, мы видим тут тот же эллипсис самого момента смерти — от причины смерти («грозд Анакреона») мы сразу «перескакиваем» (если воспользоваться выражением Вяземского¹¹) к ее следствию («сойду... на берег... Ахерона») — такой же эллипсис мы увидим позже и в стихотворении «Кривцову» («круговой нальем сосуд» и «наши тени / К тихой Лете побегут»), о котором речь пойдет ниже, и в знаменитом пассаже «Кавказского пленника»: «Вдруг волны глухо зашумели, / И слышен отдаленный стон <...> / И при луне в водах плеснувших / Струистый исчезает круг. / Все понял он...» [Пушкин 1937–1959: IV, 112], ставшем постоянным примером «романтической» недоговоренности [Виноградов 1941: 63–66], и, возможно, в последней строфе «Евгения Онегина», к которой мы еще вернемся.

abandonnée / Pour l'heure où m'attend le destin. / Bercez-moi de rians mensonges ; / Prenez les traits aériens, / Et pendant mes rêves de gloire / S'ouvrira la porte d'ivoire / Qui rend des sons élyséens" [Almanach 1812: 168].

⁹ Выражение «путем одним» Пушкин в «Прозерпине» снова применит к маршруту *этот свет — тот свет*, но на этот раз в обратном направлении — из Аида наверх: «Кони бледного Плутона / Быстро к нимфам Пелиона / Из аида бога мчат. / Вдоль пустынного залива / Прозерпина вслед за ним, / Равнодушна и ревнива, / Потекла путем одним» [Пушкин 1937–1959: II, 319]. Заметим, кстати, что финал «Прозерпины» — «И счастливцев отпирает / Осторожно рукой / Дверь, откуда вылетает / Сновидений ложный рой» [Там же: 320] — переключается с уже цитировавшими строками из «Mes adieux à la vie» Доранжа: «S'ouvrira la porte d'ivoire / Qui rend des sons élyséens». [Примечание публикатора: переключается с уже цитировавшими строками из «Mes adieux à la vie» Доранжа: «S'ouvrira la porte d'ivoire / Qui rend des sons élyséens». [Примечание публикатора: переключается с уже цитировавшими строками из «Mes adieux à la vie» Доранжа: «S'ouvrira la porte d'ivoire / Qui rend des sons élyséens»].

¹⁰ Описывая смерть Анакреона, Мурьянов ссылается на [Cauderlier 1984]. В первом томе новейшего собрания сочинений Пушкина это наблюдение, к сожалению, не учтено, а «грозд Анакреона» осталась без комментариев.

¹¹ Ср.: «На письме и на деле перескакиваем союзные частицы скучных подробностей и порываемся к результатам...» [Вяземский 1878–1896: I, 313].

Здесь этот эллипсис при описании (добровольной) смерти появляется впервые и, возможно, в самом деле вызван желанием избежать неуместного натурализма. Можно добавить и другое соображение: если бы в тексте сохранился не намек на способ смерти как у Анакреона, а прямое его описание, то это привело бы не только к стилистической неуместности, но и к логической несообразности — разве человек может планировать точный момент нечаянной смерти, какой была бы смерть подавившегося виноградной косточкой? Эллипсис эту логическую несообразность скрывает — правда, при первом же вопросе к тексту она открывается и приводит к комическому эффекту: автор собирается есть виноград, пока не подавится. При известной по многим свидетельствам насмешливой придирчивости лицейстов к стихам друг друга можно предположить, что и этот пассаж не избежал насмешек. Но, возможно, сам автор вкладывал в этот эллипсис несколько иное содержание.

Мурьянов не ставит вопроса об источнике, из которого Пушкин мог узнать об этой легенде. Он мог познакомиться с ней в биографии Анакреона — в том виде, в каком она излагалась во множестве книг, которые вполне могли быть доступны юному Пушкину хотя бы в родительской библиотеке: это и предисловия к изданиям Анакреона, и статьи в энциклопедиях (см., например, [Anacreon 1692; Anacreon 1712; Bayle 1702: I, 250] и т. д.). Но вряд ли Пушкин самостоятельно перенес в стихотворение анекдот педантской учености. Это возможно, но маловероятно; более естественно было бы, если бы он опирался на поэтический же прецедент. Однако, насколько нам известно, во французской «легкой» поэзии смерть Анакреона не упоминается как слишком гротескная по своему характеру¹². Но есть безусловно известный Пушкину стихотворный источник, в котором упомянуты обстоятельства смерти Анакреона, — это стихотворение Ломоносова «Разговор с Анакреоном» («Ответ» на Оду XI), в котором Анакреон сравнивается с Катонем. Приведем его целиком:

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит нахмурившись Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,

¹² Ср. стихотворную подпись к рисунку Домье «Смерть Анакреона» из серии «Древняя история» (1841–1842): «Entre le fromage et la poire, / Ce chantre des amours folâtrait après boire, / Lorsqu'un malencontreux pépin / Lui fit perdre le goût du pain. Bossuet, Oeuvres badine» (см. <http://www.daumier-register.org/werkview.php?key=968>). Заведомо невозможное авторство Боссюэ говорит скорее об отсутствии французской традиции поэтических переложений этого анекдота.

От ревности на смех склонить мой хочет ум?
 Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
 Мечтаниями я такими не смущусь
 И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
 Анакреонт, ты был роскошен, весел, сладок,
 Катон старался ввести в республику порядок;
 Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
 Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
 Ты жизнь употреблял как временну утеху,
 Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
 Зерном твой отнял дух приятной виноград,
 Ножом он сам себе был смертный супостат;
 Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
 Упряжка славная была ему судьбина.
 Несходства чудны вдруг и сходства понял я.
 Умнее кто из вас, другой будь в том судья.
 [Ломоносов 1959: 764]

Это стихотворение Ломоносова могло послужить Пушкину прецедентом для поэтического упоминания смерти Анакреона. Если это так, тогда мы можем заново поставить вопрос и о смысле, подразумеваемом в этом эллипсисе. Те издания и биографические словари, которые мы назвали выше, Пушкин мог читать, а мог и не читать; Лагарп — основной источник знаний Пушкина-лицеиста об античной литературе — о смерти Анакреона не пишет¹³, то есть стихотворение Ломоносова могло послужить Пушкину не только прецедентом поэтизации этой легенды, но и единственным источником самих сведений о ней. А в этом случае нельзя ли предположить, что Пушкин мог понять двустигшие «Зерном твой отнял дух приятной виноград, / Ножом он сам себе был смертный супостат» не как противопоставление двух смертей по умысленности (нечаянная смерть Анакреона vs самоубийство Катона) и по орудию (виноград vs нож), а противопоставление двух самоубийств исключительно по орудию: Катон покончил с собой с помощью ножа, а Анакреон — с помощью виноградного «зерна», умысленно задохнувшись? При таком (ошибочном, но, как нам кажется, возможном) понимании текста Ломоносова эллипсис в «Моем завещании» скрывал бы не нечаянную смерть, а смерть вполне умысленную, каковая и требуется логикой стихотворения.

Но даже если Пушкин имел в виду правильную версию легенды (с нечаянной смертью), в контексте стихотворения она функционирует как рассказ

¹³ См. фрагмент об Анакреоне [La Harpe 1813: 75–77].

о смерти умышленной. Такое понимание задано с самого первого стиха — «Хочу я завтра умереть», то есть автор сам назначает время, обстановку и способ собственной смерти; оно же предполагается и стихом «Подайте грозд Анакреона» — автор просит дать ему предмет, который послужит орудием смерти. Тут мы возвращаемся к исходному пункту — этот предмет и, соответственно, способ смерти целиком принадлежат сфере пира. И гроздь винограда как таковая, и подавший пример ее использования в качестве орудия смерти Анакреон принадлежат этой сфере — в отличие от тех причин смерти, которые могли предполагаться в стихах Батюшкова: болезнь, рана. Формулу принадлежности мотива смерти сфере пира дает стих Ломоносова: «Беззлобна роскошь в том была тебе причина». Таким образом, в «Моем завещании» Пушкин придает мифологеме *смерти на пиру*, которая у Батюшкова была не сюжетной, потенциально разомкнутой в другие сферы, не рациональной, — а) сюжетность; б) замкнутость (все ее элементы принадлежат сфере пира, роскоши); в) прозрачную рациональность мотивировок. С другой стороны, по стилистическим, логическим или еще каким-то причинам здесь он впервые создает схему *причина смерти — пропуск — последствия смерти*, которой потом будет многократно пользоваться.

* * *

Картину счастливой, ранней и добровольной смерти, но на этот раз не индивидуальной, а коллективной, Пушкин предложил в послании «Кривцову», датированном им самим декабрем 1817 г.:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим веноч,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.

Смертный миг наш будет светел;
И подруги шулунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.
[Пушкин 2004: 18]

Этому стихотворению посвящен блестящий разбор в книге Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики» [Гуковский 1965: 128–131], но некоторые его пункты и, главное, общая логика текста нуждаются в комментариях.

Риторическая структура стихотворения позволяет отнести его к вполне специфическому типу текста, к которому Пушкин обращался множество раз на протяжении всей жизни: мы бы предложили называть этот тип текста *отклоняющим*. Адресат стихотворения совершает некое действие по отношению к автору — чаще всего, это действие вербальное (речевой акт) — укоряет, пугает, советует, назидает, приглашает и т. п., а автор в ответ предлагает ему перестать совершать это действие. Вот неполная выборка¹⁴:

К Ш<ишк> ову (1816)

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои, <...>
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотой —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов.

[Пушкин 1999: 232]

К *** (1817)

Не спрашивай, за чем унылой думой
Среди забав я часто омрачен, <...>
Не спрашивай, за чем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь ...

[Пушкин 2004: 9]

Тургеневу (1817)

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,

¹⁴ Если расширить действия адресата до не прямо обращенных к Пушкину, то сюда попадут и такие стихотворения, как «К Вяземскому» (1826) («Так море, древний душегубец, / Воспламеняет гений твой? <...> Не славь его» [Пушкин 1937–1959: III, 21]; «Не пой, красавица, при мне» (1828) и многие другие.

Ни к поэтической неволе,
 Ни к обработанным стихам.
 [Пушкин 2004: 7]

Практически всегда в начале такого стихотворения сжато, но ясно и точно излагается смысл действия адресата по отношению к автору — мы можем его реконструировать описательно или в виде прямого высказывания (с поправкой на разницу в прагматике первого и второго лица): «Шишков требует стихов» или Шишков говорит: «Прошу у тебя стихов» и т. д.

Но в нашем случае дело обстоит иначе. Адресат пугает Пушкина и его друзей-«шалунов» близкой смертью, то есть говорит что-то вроде «вы можете скоро умереть», но это явно не может быть полным смыслом исходной реплики — должна быть названа причина грозящей смерти, иначе слова Кривцова становятся банальными до абсурда: «вы (как и все люди) можете умереть в любую минуту, а значит и скоро». Смысл исходного высказывания дан в стихотворении не просто в сжатом, а в усеченном виде. Чтобы его восстановить, обратимся к черновикам.

В. Я. Брюсов и Е. О. Ларионова совершенно справедливо, на наш взгляд, включили в черновики послания «Кривцову» следующий набросок (даем выборочную сводку вариантов):

Не угрожай ленивцу [вар. счастливцу / страда льцу] молодому.
 [Безвременной] кончины [вар. Мучительным концом] я не жду —
 Не думав ни о чем [вар.: В венке любви] к приюту гробовому —
 [Без] ропота, без робких слез иду —
 Я мало жил, я наслаждался мало...
 Но иногда цветы веселья рвал —
 Я жизни видел лишь начало
 [Там же: 139]

Как часто бывает в стихотворениях *отклоняющего* типа, часть исходного высказывания адресата дана здесь в самоназвании автора: «не угрожай ленивцу» = «не говори: ты ленивец и потому с тобой может случиться что-то плохое». «Ленивец» черновика и «шалуны» беловика выступают как синонимы, означающие «тот (те), кто ведет праздную, разгульную жизнь; тот, кто счастлив и в любви, и в дружеских пирах»; «счастливец» имеет более узкое значение — «тот, кто счастлив в любовных отношениях» (ср. хотя бы в стихотворении «К молодой вдове»: «Спит увенчанный счастливцем» [Пушкин 1999: 267]). В беловом варианте слово «шалуны» отнесено так далеко от начала стихотворения, что читатель не распознает в нем цитату из исходной угрозы — в отличие от чернового варианта, где «ленивец» и

«счастливец» очевидно резюмируют суть исходного упрека. Таким образом, угроза Кривцова получает конкретную мотивировку — «вы можете скоро умереть, потому что ведете разгульный образ жизни». Этого вполне достаточно для прояснения логики стихотворения. Однако один из черновых вариантов дает возможность и для реконструкции внетекстового, биографического смысла этого упрека. Это вариант, который кажется странным в этом ряду — «страдалец». Каким образом это слово оказалось в одном синонимическом ряду с «ленивцем» и «счастливец»?

Чтобы понять его смысл здесь, надо обратиться ко второму стихотворению, обращенному к Кривцову — «Когда сожмешь ты снова руку...» (1817), которое заканчивается словами «Люби невественного брата, / Страдальца чувственной любви!» [Пушкин 2004: 22]. Жанр откровенной дружеской записки позволяет сказать об обстоятельствах адресата прямо — Пушкин еще не оправился от «гнилой горячки», которой заболел в декабре 1817 г.¹⁵ Надо сделать вывод, что в черновике и слово «страдалец», и упоминание «Мучительного конца» относятся к тем же обстоятельствам, а значит мы вправе предполагать, что стихотворение «Кривцову» не просто совпадает по времени создания (декабрь 1817) с болезнью Пушкина, но и имеет ее своей скрытой темой.

Еще одну деталь для реконструкции исходного высказывания дает начало основного чернового автографа: «Угрожай ты мне мой друг / Гроба мрачным новосельем» [Там же: 140]. Эпитет «мрачный» находится в прямой оппозиции со «светел» в конце черновика и белого варианта: «Краткий век / Смертный миг наш будет светел» [Там же: 18, 142]. Поскольку часть цитации исходного высказывания («шалуны»), как мы установили, оказалась в заключительной строфе, то, возможно, и «смертный миг наш будет светел» сказано эмфатически — как возражение на «мрачное новоселье»; тогда этот эпитет надо понимать не как риторическое украшение, а как отражение мысли Кривцова — «ваша смерть будет мучительной / постыдной / прискорбной».

Таким образом, исходный упрек Кривцова имел следующий вид: «Вы своим разгулом довели себя до гнилой горячки, скоро доведете и до могилы, и какой мучительной / постыдной / прискорбной будет ваша безвременная смерть». Возможно, уже в самом разговоре Пушкин ответил дерзкой репликой: «а я не боюсь ранней смерти, сам хочу умереть, пока молод» — на этой мысли строится уже первый черновик; в основном черновом автографе она

¹⁵ О тяжелой болезни Пушкина в декабре 1817 – январе 1818 г. см. [Летопись 1991: 151 и сл.].

дополняется мыслью «моя смерть будет не мрачной, а светлой». Это декабрьское назидание, видимо, сыграло важную роль в их отношениях, если через несколько месяцев, провожая Кривцова в Англию, Пушкин называет себя цитатой из него.

Гипотетическая реконструкция исходного разговора позволяет объяснить заглавие «К Анаксагору», которое это стихотворение носило в беловом автографе, впоследствии находившемся во владении дочери Кривцова [Пушкин 2004: 501]. Это заглавие прежде объяснялось произвольными сравнениями обстоятельств жизни греческого философа и Н. И. Кривцова (так, в комментарии Т. Г. Цявловской читаем: «Стихотворение названо в рукописи: “К Анаксагору”, по имени греческого философа, отказавшегося от радостей жизни и приговоренного к смертной казни по обвинению в оскорблении богов. Кривцов был одинок в личной жизни и слыл атеистом» [Пушкин 1959–1962: I, 563]). Такое наименование действительно необходимо объяснить, поскольку, во-первых, нигде больше Кривцов так не именуется и, во-вторых, имя Анаксагора не использовалось как нарицательное, в отличие от множества имен других греческих деятелей: Аристид, Фемистокл, Зоил, Аристарх, Зенон, Диоген и т. д. — и, соответственно, не имело общепонятного значения.

Греческие прозвища у Пушкина часто поясняются в самом стихотворении (ср. в надписи «К портрету Чаадаева»: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес») или описывают его ситуацию (ср. «Лаиса, я люблю твой смелый <...> взор»), но в случае с Анаксагором нет ни того, ни другого. Логичнее предположить, что Пушкин не присвоил произвольно имени Анаксагора какой-то нарицательный смысл, не имеющий отношения к содержанию стихотворения, а попытался этим именем описать ситуативные взаимоотношения между собой и адресатом. Этому предположению вполне соответствует описание характера Анаксагора и его влияния на младших современников данное в самом начале биографии Перикла в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха:

4. Но самым близким Периклу человеком, который вдохнул в него величественный образ мыслей, возвышавший его над уровнем обыкновенного вожака народа, и вообще придавал его характеру высокое достоинство, был Анаксагор из Клазомен, которого современник называли «Умом» <...> 5. Питая необыкновенное уважение к этому человеку, проникаясь его учением о небесных и атмосферических явлениях, Перикл, как говорят, не только усвоил себе высокий образ мыслей и возвышенность речи, свободную от плоского, скверного фигурства, — но и серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте

во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление.¹⁶

На основе этого пассажа можно присвоить имени «Анаксагор» значение «тот, кто внушает юному собеседнику величественный образ мыслей» — этим, скорее всего, и занимался Кривцов в разговорах с Пушкиным в конце 1817 г.¹⁷ Биография Перикла, безусловно, входила в тогдашний круг чтения Пушкина (ср. хотя бы упоминание Периклеса в надписи «К портрету Чаадаева»¹⁸), но основанная на ней прономинация адресата Анаксагором не имела общекультурного смысла и могла быть понятной только внимательным читателям Плутарха; возможно, именно поэтому Пушкин убрал ее из печатного текста.

Посмотрим теперь на то, как трактуется в послании «Кривцову» тема гедонистического самоубийства. Для удобства дадим его прозаический пересказ:

(Ст. 1–2) Не пугай нас возможностью ранней смерти; (3–4) мы не будем о ней думать, потому что совсем ее не боимся, (потому что) (5–6) не собираемся долго жить, (7–8) а хотим сами умереть еще молодыми; (9–10) мы сядем у своих уже готовых гробниц, (11–12) (и устроим пир) предадимся сладострастью; (13) не будем торопиться, (14) из общей чаши выпьем яду, (15–16) и все одновременно умрем; (17) в час смерти мы будем не раскаиваться о впустую потраченной молодости, а будем радоваться, (18–20) наши (шалунов) подруги соберут наш прах в опустошенные нами чаши.

«Мы» («шалуны») стихотворения устраивают последний пир у своих — уже готовых! — гробниц. Как проходит этот пир? «Свежий венок», выпрошенный у Венеры («пафосская царица»), очевидно, служит эвфемистической метонимией сладострастных наслаждений (ср. «венки любви»¹⁹ черновика). В конце пира наливается «круговой сосуд» — очевидно, с ядом, поскольку сразу после него пирующие превращаются в тени и бегут к Лете. Сам момент смерти эвфемистически убран в эллипсис между строками 14 и 15

¹⁶ Перевод С. И. Соболевского.

¹⁷ Ср. емкую, но чрезвычайно колоритную характеристику Кривцова, которую П. В. Анненков записал со слов Я. И. Сабурова; она заканчивалась словами: «Был образованный человек, Вольтерианец и эпикуреец — с честными правилами по службе» [Модзалевский 1999: 491].

¹⁸ Параллели между «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха и «Борисом Годуновым» см. [Михайлова 1986].

¹⁹ К метонимии «венки любви» см. в уже не раз цитировавшемся стихотворении «К молодой вдове»: «Спит увенчанный счастливцем» [Пушкин 1999: 267], а также в послании Батюшкова «К Г<неди>чу»: «Нежны мирты и цветы, / Чем прелестницы венчали / Юного певца, — завяли!» [Батюшков 1977: 236].

и лишь задним числом назван в 17 строке — «смертный миг» (впрочем, «смертный миг», как мы видели из «Моего завещания», можно понять и как обозначение всего предсмертного пира).

Картина коллективного самоубийства достаточно необычна, но, насколько мне известно, никогда еще не делалась предметом отдельного комментария — соответственно, не ставился вопрос об ее источниках. Условно-античный характер всего стихотворения вкупе с «антикварно-точным» указанием на античные нравы в беловом автографе («Каждый у своей гробницы / Мы приляжем на порог» [Пушкин 2004: 142] подсказывают направление поисков. У того же Плутарха в биографии Антония есть рассказ, который, как кажется, мог послужить источником этой картины. Описание поведения Антония в Александрии перекликается с определением «шалун»:

(28) <...> он вел жизнь мальчишки-бездельника и за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние — время. Составился своего рода союз, который они звали «Союзом неподражаемых», и что ни день они задавали друг другу пиры, проматывая совершенно баснословные деньги.²⁰

После поражения от войск Цезаря Антоний и Клеопатра составляют общество самоубийц, а Клеопатра занимается поисками наиболее подходящего для этого яда:

(71) Вместе с Клеопатрой они распустили прежний «Союз неподражаемых» и составили новый, ничуть не уступавший первому в роскоши и расточительности, и назвали его «Союзом смертников». В него записывались друзья, решившие умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередой радостных празднеств, которые они задавали по очереди. Тем временем Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержащихся под стражей в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательной быстротой действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии. Этим она тоже занималась изо дня в день и, наконец, пришла к выводу, что, пожалуй, лишь укус аспиды вызывает схожее с дремотой забытие и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном.

²⁰ Жизнеописание Антония цит. в переводе С. П. Маркиша, обработанном С. С. Аверинцевым.

Описание поведения Антония за последним обедом соседствует с рассказом, который мог повлиять на пушкинский образ бегущей (в черновике «со смехом» [Пушкин 2004: 141] толпы теней:

(75) Передают, что за обедом он велел рабам наливать ему полнее и накладывать куски получше, потому что, дескать, неизвестно, будут ли они потчевать его завтра или станут прислуживать новым господам, между тем как он ляжет трупом и обратится в ничто. <...> Около полуночи, как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздались стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла через середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением.

В жизнеописании Антония мы находим и уже готовую усыпальницу: «Клеопатра <...> приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы — золото, серебро, смарагды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу — к себе в усыпальницу; это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды» (74). Она удаляется туда после морской битвы: «царица укрылась в своей усыпальнице и велела опустить подъемные двери с надежными засовами и замками» (76); туда же доставляют нанесшего себе смертельную рану Антония (76–77). Перед смертью Антоний просит вина (77) и говорит Клеопатре: «А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжких превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало на его долю — ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы, чтобы погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином» (77) — ср. с пушкинским мотивом «светлого смертного мига» или «светлого краткого века» из черновика. Клеопатра сама хоронит Антония — «Многие цари и полководцы вызывались и хотели похоронить Антония, но Цезарь оставил тело Клеопатре, которая погребла его собственными руками, с царским великолепием, получив для этого все, что только ни пожелала» (82). Для нашей темы важны и упоминание поминального возлияния в честь возлюбленного, и описание гедонистического поведения Клеопатры накануне самоубийства, и место этого самоубийства — все та же усыпальница:

(84–85) Клеопатра, прежде всего, упросила Цезаря, чтобы ей разрешили совершить возлияние в честь умершего. Со своими доверенными служанками она пришла к могиле Антония и, упав на его гробницу, промолвила: «О, мой Антоний, еще так недавно я погребала тебя свободно, а сегодня творю возлияние руками пленницы <...>». Так она сетовала и сокрушалась, а затем украсила гробницу венком и вернулась во дворец. Она велела приготовить себе купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак.

Кажется, главным источником для Пушкина послужила сама идея «Союза смертников», а подробности самоубийств Антония и Клеопатры добавили конкретного материала.

Непосредственно из книги, без посредничества живого примера такие идеи редко попадают в стихи, поэтому хотелось бы найти прецедент подобного союза. Наиболее вероятным местом и временем для него представляется Франция времен Директории с ее «балами гильотинированных» и т. п. Однако в классической работе Мегрона «Романтизм и нравы» сообщается, что впервые во Франции Клуб самоубийц появился только в 1846 г. и ближайшим прецедентом для него Мегрон считает «Союз неподражаемых» Плутарха [Maigron 1910: 338]. Но можно предположить, что хотя бы разговоры о таком коллективном самоубийстве на исходе молодости велись в окружении Пушкина. В ранней редакции стихотворения «К Каверину» (1817), которое было написано в извинение за неудачную шутку в «Ноэе на лейб-гвардии гусарский полк», и потому Пушкин всячески подчеркивал то, что объединяло автора и адресата, читаем:

Насытятся жизнью у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с Веселием шумливым.
С Венерой пылкою и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И Старость удивим поклоном молчаливым.

[Пушкин 1999: 260]

Как понять строку «И Старость удивим поклоном молчаливым»? Ее черновой вариант «И старост<i>i</i> дождемся молч<i>аливо</i>» [Там же: 396] и вариант белого автографа поздней редакции «И холодной старости дождемся терпеливо» [Там же] не вызывают затруднений в понимании). Но чем бы мог удивить Старость приветственный поклон? Удивить ее можно было бы только поклоном прощальным²¹. При таком прочтении этой строки в строке

²¹ Ср. метафору поклона как суицида в послании Баратынского «Богдановичу»: «Новейшие поэты / Не улыбаются в творениях своих, / И на лице земли всё как-то не по ним. / Ну что ж?

«Насытись жизнью у юных дней в гостях» мы узнаем метафору *жизнь* — *пир*. Прощание с Веселием, Венерой и Вакхом в рамках этой метафоры — это такой же пир, какой описан в «Моем завещании» и в «Кривцову», то есть пир, после которого наступает смерть. Однако это рассуждение держится на неочевидной интерпретации всего лишь одного стиха. Поэтому как о надежно установленном можно говорить только о биографии Антония Плутарха как книжном источнике той картины коллективного гедонистического самоубийства, которую мы увидели в стихотворении «Кривцову».

Постскриптум публикатора:

В заключительной части этой статьи речь должна была идти о теме гедонистического самоубийства в более поздних произведениях Пушкина — их перечень дан в черновом конспекте: «Египетские ночи», «Гости съезжались на дачу», «Пир во время чумы», «Мы путешествовали с Цезарем...» и последняя строфа «Евгения Онегина», в которой его гипотеза открывает новые смыслы:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.
[Пушкин 1937–1959: VI, 190]

Григорий Михайлович обнаружил ряд близких трактовок этой темы в стихах современников Пушкина. Мотив гедонистической смерти (но не самоубийства) на пиру есть в послании Вяземского «К Батюшкову» («Шумит по рощам ветр осенний», 1817):

Ах! Юностью подорожим!
В свое пусть старость придет время,
Пусть лет на нас наложит бремя —
Навстречу к ней не поспешим.
Любви, небесным вдохновеньям,
Забавам, дружбе, наслажденьям
Дней наших поручая бег,
Судьбе предавшись послушно,

Поклон, да вон! Увы! не в этом дело: / Ни жить им, не писать еще не надоело» [Баратынский 1936: I, 107].

Ее ударов равнодушно
Дождемся мы средь игр и нег.
Когда же смерть нам в дверь заглянет
Звать в заточение свое,
Пусть лучше на пиру застанет,
Чем мертвыми и до нее.
[Вяземский 1986: 106]

В «Элегии» Дельвига (1821–1822) мотивы чаши, розового венка и ранней смерти, как писал Григорий Михайлович, «соединены в неожиданной комбинации»:

Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда в венке из роз
К теням не отбыл я!
[Дельвиг 1986: 71]

В «Буре» Баратынского (ноябрь 1824 – январь 1826):

Меж тем от медленной отравы бытия
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины:
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отраднее гордыне человека.
[Баратынский 1936: I, 16–17]

В «19 октября 1837 года» Кюхельбекера:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! лицо его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.
[Кюхельбекер 1967: I, 295–296]

Наконец, Дашевскому удалось установить наиболее вероятный источник этой традиции — французское послание С. С. Уварова о преимуществах ранней смерти (1810), которое получило очень высокую оценку в столичных литературных кругах. Жуковский настойчиво добивался его списка от своих друзей — ср. его письмо А. И. Тургеневу 12 сентября 1810 г.: «До-

ставь мне пиесу Уварова “*Sur l’avantage de mourir <jeune>*”, я очень любопытен читать ее, особенно по тому, что ты об ней пишешь» [Жуковский 1999–2018: XV, 92]²². 4 мая 1811 Жуковский адресует с этой просьбой уже к самому Уварову: «Позвольте Вам напомнить, что Вы обещали мне прислать французские Ваши стихи: “*Sur l’avantage de mourir jeune*”. Эта идея меня пленяет; мне самому хотелось бы ее обработать на нашем гиперборейском языке, укравши у Вас несколько мыслей» [Там же: 127]. 15 мая 1811 г. Уваров отвечал Жуковскому: «В скором времени получите вы мои стихи: “*Sur l’avantage de mourir jeune*”. Не судите строго о их достоинстве; не иначе как о излишнии чувств душевных; участь их должна бы быть умереть там, где они родились. — Разве смерть г. Каменского и к. Суворова²³ не действует над Музой вашей? Вот прекрасной случай употребить в нашей поэзии несколько тех мыслей, которые Шиллер представил в одном стихе: “*Es ist das Loos des Schönen auf der Erde*”²⁴» (РА. 1871. Т. 9. Стб. 0159).

Рассуждением на тему, заданную Уваровым, открывает свои «Воспоминания о Петине» К. Н. Батюшков (1815):

Уваров написал послание «о выгодах умереть в молодости». Предмет обильный в красивых и возвышенных чувствах! Конечно, утро жизни, молодость, есть лучший период нашего странствования по земле. Напрасно красноречивый римлянин желает защитить старость²⁵, — все цветы красноречия его вянут при одном

²² С. В. Березкина [2013: 153–154] указала на то, что писарская копия стихотворения сохранилась в архиве А. А. Воейковой и М. А. Мойер (РО ИРЛИ. Ф. 475. № 22744). Позднее, подробно комментируя это письмо, А. С. Янушкевич указал, что послание Уварова «представляет собой подражание стихотворению французского поэта Николя Жильбера “*Ode imitée de plusieurs psaumes et composée de l’auteur huit jours avant sa mort*” (опубликовано в “*Almanach des Muses*. 1781”. Paris, 1781. P. 183–184)» [Жуковский 1999–2018: XV, 660]. На наш взгляд, стихи Уварова не имеют ничего общего с предсмертным сочинением Жильбера, которое является вольным подражанием 40-му псалму (заметим, что первая публикация жильберовой оды была осуществлена еще при жизни несчастного поэта — *Journal de Paris*. 1780. № 291. 17 oct. P. 1177).

²³ Уваров имел в виду недавнюю смерть двух молодых военачальников, погибших во время турецкой кампании 1811 г., — графа Николая Михайловича Каменского (1776–04.05.1811) и князя Аркадия Александровича Суворова (1784–13.04.1811).

²⁴ Цитируется заключительная часть монолога Теклы из драмы Шиллера «Смерть Валленштейна» (акт 4, явление 12):

— Da kommt das Schicksal — Roh und kalt
 Faßt es des Freundes zärtliche Gestalt
 Und wirft ihn unter den Hufschlag seiner Pferde —
 — Das ist das Los des Schönen auf der Erde!

(«И вот судьба, с жестокостью своей, / Берет его и в пышно жизни цвете / Его бросает под ноги коней. / Таков удел прекрасного на свете!» — пер. Каролины Павловой, 1866).

²⁵ Имеется в виду диалог Цицерона «О старости» (*De senectute*).

воззрении на дряхлого человека: опираясь на клюки свои, старость дрожит над могилою и страшится измерить взором ее неприступные мраки. Опытность должна бы отучать от жизни, но в некоторые лета мы видим тому противное. Одна религия может согреть сердце старика и *отучить его от жизни* — тягостной, бедной, но милой до последнего дыхания. «Это есть благо провидения», говорят некоторые философы. Может быть: но зато великие движения души, глубокие чувствования, божественные пожертвования самим собою, сильные страсти и возвышенные мысли принадлежат молодости, деятельность — зрелым летам, старости — одни воспоминания и любовь к жизни. И что теряет юноша, умирая на заре своей, подобно цветку, который видел одно восхождение солнца и увянул прежде, нежели оно потухло? Что теряем мы, умирая в полноте жизни на поле чести, славы, в виду тысячи людей, разделяющих с нами опасность? Несколько наслаждений кратких, но зато лишаемся с ними и терзаний честолюбия, и сей опытности, которая встречает нас на середине пути, подобно страшному призраку. Мы умираем, но зато память о нас долго живет в сердце друзей, не померченнная ни одним облаком, чистая, светлая, как розовое утро майского дня [Батюшков 1977: 398–399].

Однако несмотря на то, что послание Уварова получило широкую известность и распространялось в списках²⁶, его текст так и не был опубликован. Не имея возможности заняться поисками лично, Григорий Михайлович попросил Михаила Брониславовича Велижева проверить, не сохранился ли текст послания в архиве Уварова в ОПИ ГИМ. Велижев нашел послание незадолго до последнего приступа болезни Григория Михайловича: тот успел убедиться в верности своей гипотезы и в разговоре со мной блистательно связал уваровское послание с античными источниками и французскими контекстами. Однако для этого фрагмента работы сохранились лишь пометы на полях текста Уварова, которые мы приводим ниже — в примечаниях к русскому переводу.

Далее публикуется французский текст поэмы Уварова и ее перевод на русский язык. Публикация по автографу из архива С. С. Уварова подготовлена М. Б. Велижевым; перевод — Н. Н. Мазур.

²⁶ «В 1806 или 1807-м году ходили по рукам и с жадностью читались французские стихи <Уварова> о счастье умереть в молодости», — вспоминал П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» [Вяземский 1878–1896: VIII, 490].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Fragment²⁷

(1808)

Eh ! Qu'importe en effet une longue carrière !
 Quand la mort va fermer la debile paupière
 De l'être qui longtems a trompé sa fureur,
 Le nombre de ses jours console-t-il son cœur ?
 En est-il plus tranquille au moment qu'il succombe ?
 Voit-il d'un œil plus sec le gouffre de la tombe ?
 Non, sa raison se trouble et ses traits abattus
 Indiquent dans son cœur quelques regrets de plus ;
 Il meurt disenchanté, tremblant, las de la vie,
 Par un doute cruel son âme est poursuivie,
 La vérité severe allume son flambeau,
 Il détourne les yeux et se livre au tombeau.
 Ah, ce n'est point ainsi qu'expire la jeunesse ;
 Si l'arrêt du destin, dans le sein de l'ivresse,
 Au jour de l'espérance a marqué son déclin,
 Quel touchant intérêt vient adoucir sa fin ! —
 L'adolescent surpris dans la vigueur de l'âge
 Vers l'abyme éternel avance avec courage,
 Frappé du coup fatal, il ne craint pas la mort ;
 Il n'est pas epuisé par la lutte du sort,
 Il croit que la vertu triomphera du crime,
 Pour elle il est tout prêt à s'offrir en victime.
 Il croit que l'innocence obtiendra son vengeur,
 Et que des nations, Dieu verra la douleur ;
 Pur de malheur d'autrui, sans remords, sans envie,
 Athlete généreux au combat de la vie,
 Il meurt, et le printems s'est revêtu du deuil,
 Un rayon de l'aurore éclaire son cercueil ;
 La rose des festins sur son front brille encore,
 Lui survit un moment, tombe et se décolore ;
 Si son cœur fut sensible, il regrette le jour,
 S'il connut l'amitié, s'il rencontra l'amour,
 Dans leur bras il expire, et sa vive souffrance
 Prépare un avenir cher à son espérance ;
 Il verra ceux qu'il perd dans un monde meilleur,

²⁷ В копии из архива Жуковского: "Fragments sur l'avantage de mourir jeune" (РО ИРЛИ. Ф. 475. № 22744. Л. 1; в копии отсутствуют некоторые строки послания).

Il va prier pour eux, plein d'une sainte ardeur,
 Non pas ce Dieu cruel que forgea l'imposture,
 Mais le Dieu de son cœur, le Dieu de la nature,
 Le Dieu qui le guidait au sortir du berceau,
 Le Dieu qu'il entrevoit au-delà du tombeau.
 Il expire en heros, et non pas en victime ;
 Mais avant de mourir, soudain il se ranime,
 Il voit le ciel, et jette un long regard d'amour,
 Sur les monts, sur les bois, sur les prés d'alentours ;
 Contemple avec transport ce vaste paysage,
 Ces verdoyans coteaux, ce roc vieux et sauvage,
 Ce torrent écumeux <зачеркнуто: immense> dont il fendit les flots,
 Ces forets dont sa voix a troublé le repos,
 Quand guidé par l'amour et par la rêverie
 Il goutait de son luth la plaintive harmonie ;
 Tous ces objets divers reçoivent ses adieux,
 Et sur l'aile d'un ange il monte vers les cieux ;
 Près de son monument la nature attentive,
 Prodigue de ses dons la grace fugitive,
 De fleurs et de parfums il s'élève entouré ;
 L'imagination d'un vol plus assuré,
 Dédaignant de ses jours ces emblèmes trop frères
 Plane sur son tombeau, le couvre de ses ailes,
 Et prélude à des chants consacrés au trépas ;
 Lui, d'un repos divin savourant les appas,
 Adore du très haut la sagesse infinie,
 Et couché dans la tombe il sourit à la vie ;
 Un sillon de lumière a traversé les airs,
 Et son âme apparut dans les cieux entr'ouverts,
 Tant la nature accorde, en déployant sa gloire
 A son dernier moment l'aspect de la victoire !
 Si d'un destin plus fier il a suivi les loix
 Si d'un autre trépas le ciel pour lui fit choix,
 S'il meurt dans les combats, en vengeant sa patrie,
 Est-il un plus beau sort ? ou plus digne d'envie ?
 Ainsi n'expire pas un vieillard affaibli,
 Que mine le trépas et qu'il traîne à l'oubli.
 Achille ! o mon heros ! la fortune ennemie
 Eut peut-être obscurci le declin de ta vie,
 Mais jeune, mais vaillant, mais superbe vainqueur
 Au printems de tes jours, moissonne dans la fleur
 Ton sort fut de périr tout rayonnant de gloire,

Et la plus noble lyre a transmis ta mémoire !
 Ton poète immortel t'entraîne vers les cieux
 Et ceint d'un beau laurier ton front victorieux ;
 Couple illustre ! à vos noms l'on répandra des larmes,
 Tant que de l'art des vers on connaîtra les charmes,
 Tant que des coeurs aimans le trouble impérieux
 Goutera des regrets l'attrait mystérieux.
 Que j'aime à voir Gaston au champ de l'Italie
 Sa mort audacieuse a couronné sa vie,
 Beau d'éclat et d'orgueil il brave le trépas
 Se couvre de lauriers et tombe dans ses bras.
 D'un autre²⁸ Prince encore il est la vive image,
 Son sort fut différent, mais non pas son courage,
 Il voulut réveiller son pays abattu
 Et lui rendre un moment son antique vertu,
 Mais il tombe accablé sous sa propre patrie,
 Il déteste aussitôt une honteuse vie
 Et se jette à travers les bataillons épais ;
 Tel qu'un lion farouche au milieu des forets
 Assailli, poursuivi par la meute écumante,
 Leur livre en expirant sa dépouille fumante
 Tel ce jeune héros, indigné de son sort,
 Cherche le coup fatal et demande la mort.
 Mais il périt en vain ; ce sanglant sacrifice
 N'a point du ciel vengeur désarmé la justice.
 Tout fléchit, et lui seul dans la paix du tombeau
 Obtient dans ces revers le destin le plus beau :
 Car ses yeux n'ont pas vu sa mourante patrie
 Et les cheveux épars, et la tête meurtrie
 Courber son triste front sous le joug du vainqueur.

Mais si de ces héros la brillante valeur
 Nous arrache des pleurs et dispute à la tombe
 L'immortel souvenir du brave qui succombe,
 Il est d'autres trépas qui présentent aux yeux
 Un aspect plus touchant et plus religieux ;
 Voyez la jeune fille à peine à son aurore,
 Et semblable à la fleur, que le vent décolore,
 Elle penche sa tête, et se fane au matin,
 Du jour qui la vit naître elle ignore la fin ;
 De ses parens en pleurs sa couche est entourée,

²⁸ Внизу страницы в автографе примечание: "Le P-се Louis Ferdinand de Prusse".

A son dernier moment, tranquille et rassurée
Elle voit d'un œil calme, aux bords de l'avenir,
Le monde disparaître, et le ciel s'entr'ouvrir ;
Elle voit s'élançer de la voute éclatante
Des anges du Seigneur la famille brillante ;
Ils lui tendent les bras, l'appellent dans leur sein
Dieu lui même vers elle a soulevé la main ;
Mais si d'un chaste amour l'espérance trompée,
Ici bas d'un regret tient son âme occupée,
Du moins elle pourra du celeste séjour
Veiller sur cet objet, si cher à son amour,
Demander, obtenir le bonheur de sa vie,
Pour lui, du sort cruel conjurer la furie,
Prévenir les écueils, détourner les revers,
L'attendre et le revoir dans un autre univers
Ses compagnes encore s'empressent autour d'elle
Et son âme a quitté sa dépouille mortelle.

Que sa cendre repose à l'abri des mechans !
Autour de son tombeau qu'un eternel printems
Rassemble tout l'éclat, dont s'embellit la terre !
Mais que le lys y croisse obscur et solitaire,
Embleme de nos jours, <зачеркнуто: vos sœurs>, fletris par les regrets
Que la rose y paroisse au milieu des cyprès ;
Que les bras étendus d'un vieux saule qui pleure,
De l'humble violette ombragent la demeure <зачеркнуто: douceur> ;
Lorsque brille Vesper, moment cher à l'amour,
Dans ce combat douteux de la nuit et du jour,
Sous les arbres touffus, près de l'urne paisible,
Viendra se recueillir l'être pur et sensible
Qui comparant trop tôt le monde avec son cœur
Vit pâlir par degrés l'image du bonheur. —
Là, seul avec ma lyre, et fuyant l'imposture
D'un monde qui n'a point adouci ma blessure,
J'irai sur ce tombeau déposer quelques fleurs
Lui donner un regret, et peut-être des pleurs.

Перевод:

Отрывок²⁹
(1808)

(А) *(жить долго — уныло)*³⁰

Ах, так ли важно долгое поприще!
Когда смерть смыкает хилые вежды
Того, кто долго ускользал ее гнева,
Утешится ли он счетом прожитых дней?
Станет ли покойней в минуту кончины?
Воззрится ли без слез на пропасть могилы?
Нет, его дух смущен, а сокрушенный вид
Выказывает больше сердечных скорбей;
Он дрожит, разочарован, согбен жизнью,
Его терзает жестокое сомненье,
Строгая истина возжигает светоч,
Он отводит взор и сходит в могилу.

(Б) *любая ранняя смерть — геройство*

Ах, совсем не так пресекается юность,
Коли волею рока ей положен конец
На лоне восторгов, во дни упований,
Сердечный интерес смягчает ее смерть.
Юноша, пораженный в начале пути,
Отважно приближается к вечной бездне;
Настигнут ударом, не трепещет смерти,
Не утомленный борьбою с судьбиною,
Он верит, что доблесть победит злодейство,
И готов за нее пожертвовать жизнью,
Он верит, что невинность найдет отмщенье
И что Господь призреет беды народов;
Не зная чужой злобы, упреков, зависти,
Благородный атлет на поприще жизни,
Он умрет, и весна облачится в траур,
Лучом денницы озарится его гроб;
На челе его свежие розы пира;
Прожив один миг, он падает и гаснет;
Нежный душою, он скорбит о свете дня,
Если знал он дружбу, если встретил любовь,
Он умрет у них на руках, и их горе
Сулит дорогое ему грядущее;

²⁹ В копии из архива Жуковского (РО ПД): «Отрывки о преимуществах ранней кончины».

³⁰ Здесь и далее курсивом — пометы Г. М. Дашевского в тексте послания.

Он повстречается с ними в лучшем мире;
 Он будет молить за них в священном жаре
 Не жестокого Бога из рук самозванца,
 Но Бога его сердца, Бога природы,
 Бога, направлявшего его с колыбели,
 Бога, прозреваемого им за гробом.
 Он умирает героем, а не жертвой;
 За миг до кончины он может воспрянуть,
 Взглянет на небо, обведет долгим взором
 Милые горы, леса, поля округи,
 В восторге увидит обширные виды,
 Зеленые брега, древний дикий утес,
 Пенистый поток, чьи волны он рассекал,
 Леса, чей покой он будил своим гласом,
 Когда любовь и мечты наставляли
 Печальную гармонию его лиры.
 Он скажет «простите» всем этим предметам
 И на крыльях ангела вознесется ввысь;
 Заботливая природа³¹ расточает
 Хрупкую прелесть своих даров, окружая
 Его памятник цветами и ароматами;
 Презируя эти слабые эмблемы
 Его жизни, воображенье летит
 Осенить его могилу сильным крылом,
 Прелюдия песней на его кончину;
 Упиваясь божественным покоем,
 В вышине он дивится вечной мудрости
 И из могилы улыбается жизни;
 Воздух пререзается лучом зарницы
 И небеса отверзаются его душе.
 Так, окружая его славой, природа
 Придает его смерти облик победы!

(В) собственно героическая смерть

Если же он избрал высшую судьбину,
 Если иной конец сужден ему небом,
 Если он гибнет в бою, мстя за отчизну,
 Есть ли удел желанней или завидней?
 Не так умирает слабеющий старик,
 Хилый и влекомый в забвение смертью.

³¹ Ср. у гробового входа — равнодушная природа (примечание Г. М. Дашевского).

(в1) Ахилл

Ахилл, о мой герой, неприязнь фортуны,
 Быть может, омрачила закат твоей жизни,
 Но юный, отважный, чудный победитель,³²
 Сраженный в расцвете на заре твоих дней,
 Твой удел был — погигнуть во блеске славы,
 Лучшая из лир сохранила твою память!
 Бессмертный певец возносит тебя к небу,
 Венчая дивным лавром чело героя;
 О славная чета!³³ о вас будут плакать,
 Доколе живы чары искусства стиха
 И высокое смятение любящих
 Не престанет пленять обаяньем скорби.

(в2) Гастон

Сколь прекрасен Гастон в бою в Италии³⁴,
 Отважной смертью увенчавший свою жизнь,
 Окруженный блеском, он презирает смерть
 И предается ей, облекшийся в лавры.

(в3) Луи-Фердинанд

Не померк еще образ другого Князя³⁵,
 Равного ему не судьбой, но отвагой,
 Возжелав пробудить угнетенную страну
 И возратить ей ее древнюю доблесть,
 Он пал под весом своей же отчизны,
 И, тотчас возненавидев жизнь без славы,
 Он ринулся в самую гущу батальонов,

³² Ср. у Кюхельбекера: «Блажен, кто пал, как юноша Ахилл, / Прекрасный, мощный, смелый, величавый, / В середине поприща побед и славы, / Исполненный несокрушимых сил!» и т. д. (примечание Г. М. Дашевского).

³³ В устной беседе Г. М. Дашевский указал, что здесь имеются в виду Ахилл и Патрокл, а в набросках комментария выписал обширный фрагмент об Ахилле и Патрокле из речи Федра в «Пире» Платона, а также комментарий В. А. Жуковского к его балладе «Ахилл» (1812–1814): «Ахиллу дано было на выбор: или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою, — он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его вскоре последует за смертью Гектора, — и умертил Гектора, мстя за Патрокла <...>» [Жуковский 1999–2018: III, 319].

³⁴ Гастон де Фуа, французский полководец, прославившийся победами во время войны с Италией в 1511–1512 году. В разгаре славы героически погиб на поле битвы под Равенной, когда ему было всего 22 года (примечание Г. М. Дашевского).

³⁵ Примечание в автографе: Принц Луи-Фердинанд Прусский. Г. М. Дашевский предположил, что послание Уварова могло быть написано в память этого прусского принца, в 33 года погибшего во время битвы с французами при Заальфельде (1806).

Подобно бешеному льву в лесной чаще,
Что, атакуемый разъяренной сворой,³⁶
Оставляет им лишь дымящийся прах.
Так сей юный герой, презирая судьбу,
Ищет роковой раны, призывая смерть.
Но гибнет напрасно: кровавая жертва
Не смягчила приговор мстительных небес,
Все пало, и лишь он в могильном покое,
Был счастлив вопреки превратностям рока.
Он не видел умирающей отчизны,
Разметавшей власы, израненной,
Поникшей под ярмом победителя.

(Г) юная дева

Блистательная доблесть этих героев
Осушает слезы, отбирая у гроба
Нетленную память о гибели храбрых,
Но другая кончина являет взору
Трогательное и набожное зрелище;
Вот юная, едва расцветшая дева,
Подобно цветку, оборванному ветром,
Она склоняет главу и увядает,
Не пережив дня своего рождения;
Вокруг ее ложа рыдают родные,
А она, тиха и полна надеждою,
Спокойно смотрит с порога грядущего
Как блекнет мир и отверзается небо;
Видит, как с сияющего небосклона
Мчится к ней светлый сонм ангелов Божиих,
Которые манят ее в свое лоно;
И сам Господь простирает к ней десницу;
Коль на чистую любовь надежды нету
И душу держит на земле сожаленье,
Она сможет из небесной обители
Оберегать дорогого ее сердцу,
Требовать, просить ему счастливой доли,
Отводить удары жестокой судьбины,
Предотвращать тяготы и превратности,
Ожидать и встретить его в лучшем мире;
Вкруг нее еще стоят ее спутницы,
А душа ее сбросила ризы праха.

³⁶ Гомеровское сравнение с Ахиллом? (примечание Г. М. Дашевского).

Да упокоится она вдали от злых!
 Пусть у ее гробницы вечная весна
 Соберет все, чем украшается земля,
 Скорбную и одинокую лилею,
 Эмблему наших дней, снедаемых грустью,
 Розу, цветущую среди кипарисов;
 Пусть ветви дряхлеющей плакучей ивы
 Надежно сокроют скромницу-фиалку,
 В час, когда блещет Веспер, в миг, милый любви,
 В неверной борьбе между ночью и днем,
 Под густую сень дерев близ мирной урны
 Придет чистый и чувствительный душою,
 Слишком рано открывший сердце миру
 И увидевший, как тает образ счастья. —
 Туда, один с моей лирой, прочь от обмана
 Мира, не смягчившего моей утраты,
 Я приду и принесу к этой могиле
 Цветы, сожаленья и, быть может, слезы.

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 25 об.–29. Текст печатается по автографу из альбома, заполнявшегося С. С. Уваровым текстами на французском языке в 1810-е гг. Дата 1808 вписана карандашом.

Цель, с которой составлялся альбом, автор описал в надписи, сделанной при передаче его сыну А. С. Уварову в 1853 г. в числе прочих документов, связанных с биографией бывшего министра: “Ce manuscrit a été fait pour feu S. M. l’Impératrice Elisabeth & restitué après son décès. Ensuite donné a la P-se Kotchoubey il a été une seconde fois restitué après sa mort. Donné a mon fils la 15 Janvier 1853” (Там же. Л. 1: «Сия рукопись была сделана для покойной императрицы Елизаветы и возвращена после ее смерти. Затем передана княгине Кочубей и вторично возвращена после ее кончины. Отдана моему сыну 15 января 1853 г.»). Судя по этой записи, рукописный альбом был вручен императрице Елизавете Алексеевне, вероятно, в середине 1810-х гг., а после ее смерти в 1826 г. вернулся к Уварову, который вновь подарил альбом графине Марье Васильевне Кочубей, урожденной Васильчиковой, супруге председателя Государственного совета В. П. Кочубея, с 1831 г. князя. М. В. Кочубей умерла в 1844 г. Вероятно, тогда же тетрадь вновь оказалась у Уварова. Прежде чем передать альбом сыну, автор внес в тексты исправления и снабдил их пояснениями, уточняющими дату создания того или иного стихотворения.

Приведем оглавление сборника: “*La solitude du Poète. Epitre*”, 1806 г. (Л. 2–5), “*Complainte*”, 1805 г. (Л. 5 об.), “*La fille de Charlemagne. Anecdote*”, 1806 г. (Л. 6–8 об.), “*Stances*”, 1804 г. (Л. 9), “*Epitre à celle que je ne connais pas*”, 1807 г. (Л. 9 об.–13), “*A monsieur le Prince de Ligne — en réponse à des vers, où il me portait d’Ossian & d’Homère*”, 1807 г. (Л. 13 об.–14 об.), “*Fragmens d’une Epitre à un jeune Poète*”, 1807 г. (Л. 15–18), “*Fragment d’une Lettre, adressée à M-r. le Prince de Ligne. 20 Juillet 1807 de Vienne*” (Л. 18 об.–19), “*A Madame de R.... en lui envoyant, le jour de sa fête, un flambeau*”, 1807 г. (Л. 19 об.–20), “*A Madame de Staël*”, 1808 г. (Л. 20 об.–21), “*A l’étoile du Soir. Imité de Stolberg*”, 6 г. (Л. 21 об.–22), “*Epitre à Monsieur le Prince de Ligne qui m’avait trouvé endormi*”, 1808 г. (Л. 22 об.–25), “*Fragment*”, 1808 г. (Л. 25 об.–29), “*Traduction d’une scène de la tragedie de Don Carlos de Schiller. Acte II-d. Scène II-de*”, 6 г. (Л. 29 об.–36 об.), “*Romance*”, 6 г. (Л. 37–38), “*Seconde Epitre à celle que je ne connais pas*”, 6 г. (Л. 38 об.–43), “*Elegie*” (“*Ô Toi de mes beaux ans compagne aimable et sure...* ”), 1810 г. (Л. 43 об.–45).

Еще один вариант стихотворения “*Fragment*”, с незначительными расхождениями с публикуемой версией, находим в собственноручной рукописной тетради с поэтическими творениями Уварова, которая, вероятно, не покидала ее владельца (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 124, под общим названием “*Souvenirs*”). Цель этого собрания иная — оно не предназначалось для дарения, а было призвано вместить поэтические тексты, созданные Уваровым и подготовленные им для возможной публикации. В тетрадь вошли следующие сочинения: “*La Solitude du Poète. Epitre*”, 1806 г. (Л. 4–7), “*Le Songe*”, 1806 г. (Л. 7 об.–8), “*Complainte*”, 1805 г. (Л. 8 об.), “*La Fille de Charlemagne. Anecdote*”, 1806 г. (Л. 9–11 об.), “*L’instant d’après. Stances*”, 1805 г. (Л. 12–12 об.), “*Romance*”, 1806 г. (“*Victime d’un fatal amour*”, Л. 13), “*Stances*”, 1804 г. (Л. 13 об.), “*L’épître à celle que je ne connais pas*”, 1807 г. (Л. 14–17), “*A Monsieur le Prince de Ligne*”, 1807 г. (Л. 17 об.–18 об.), “*<Fragment d’une> Epitre a une jeune Poète*”, 1807 г. (Л. 19–22), “*La Bayadère. Conte judien, imitée de l’allemand de Mr. Goethe, et dédié à M.L.C.F.D.W.N.C.D.K.*”, 1807 г. (Л. 22 об.–25 об.), “*Fragment d’une lettre adressée à Mr. le Prince de Ligne. 20 juillet 1807 de Vienne*” (Л. 26–26 об.), “*Romance*” (“*Si je tiens encore à la vie...* ”), 6 г. (Л. 27–27 об.), “*A Madame de R.... en lui envoyant, le jour de sa fête, un flambeau*”, 1807 г. (Л. 28–28 об.), “*Adieux à mes pénates*”, 1806 г. (Л. 29–30), “*Couplets chantés à Mad-e la c-sse Sophie de Zamoiska chès la P.B. 14 May 1807. veille de sa fête*” (Л. 30 об.–31), “*Seconde Epitre à celle que je ne connais pas*”, 1807 г. (Л. 31 об.–35 об.), “*A Mad. de *** en lui envoyant le recueil de mes vers*”, 1808 г. (Л. 35 об.–36), “*A Madame de Staël*”, 1808 г. (Л. 36–36 об.), “*Cassandre. Imitée de Schiller*”, 1808 г. (Л. 37–

40 об.), “*Le Printemps*”, 1808 г. (Л. 41–42 об.), “*A l’etoile du soir. Imité de Stolberg*”, б. г. (Л. 43–43 об.), “*Épître à Monsieur le Prince de Ligne qui m’avait trouvé endormi*”, 1808 г. (Л. 44–46), “*Explication d’un tableau fait en société pour Mad-e de Staël à Vienne*”, 1808 г. (Л. 46 об.), “*Sur un portrait*”, б. г. (Л. 47), “*Fragment*”, 1808 г. (Л. 47 об.–50 об.), “*Couplets chantés à Gumpendorf (?) le 15 juillet 1808 jour de la St. Henri. chez Mad-e de Feraris*” (Л. 51–51 об.), “*Quatrain*”, б. г. (Л. 52), “*26 Juillet 1808*” (Л. 52–52 об.), “*Épître à celle que je connais*”, б. г. (Л. 53–55 об.), “*Traduction d’un scène de la tragédie de Don Carlos de Schiller*”, б. г. (Л. 56–61 об.), “*Stances*” (“*Il m’appartient encore par la pensée*”), б. г. (Л. 62), “*Vers sur la mort du P-ce Michel Dolgorouky, tué en Finlande en novembre 1808*” (Л. 62 об.–63), “*Épilogue*”, 1809 г. (Л. 63), “*Romance*” (“*Sous le balcon de son amante ...*”), б. г. (Л. 63 об.–64 об.), “*Remerciemens à un auteur modeste*”, б. г. (Л. 65–67), “*Stances. Herlitz 19 mai 1809*” (Л. 67 об.–68 об.), “*Seconde Épître à celle que je ne connais pas. Nouvelle édition*”, б. г. (Л. 69–72 об.), “*Chanson*”, б. г. (Л. 73–73 об.), “*A Aglaë*”, б. г. (Л. 74–74 об.), “*Élégie*”, 1810 г. (Л. 75–76 об.), “*A M.B.P. en réponse à une épître*”, 1810 г. (Л. 76 об.), “*Fragment à ajouter au Fragment*”, б. г. (Л. 77), “*A Madame la C. de K-y*”, 1811 г. (Л. 77 об.), “*Imitation d’une Epigramme Grecque de Méléagre (CIX. Anall. Br. I. 30)*”, б. г. (Л. 78), “*Imitation d’une Epigramme grecque de Paul le Silentiaire. (XVII. Anall. Br. III. 77.)*”, б. г. (Л. 78 об.), “*Imitation de l’Epigramme XXII. de Paul de Silentiaire (Annall. Br.)*”, б. г. (Л. 79), “*Fragmens d’une Elegie faite en 1810*” (Л. 79 об.–80), “*A l’Impératrice Elisabeth*”, июнь 1816 г. (Л. 80 об.–81), “*Couplets chantés à Pavlovsk. le 6/18 Juin 1816*” (Л. 81–82), “*Pauvre Rose*”, 1820 г. (Л. 82–82 об.), “*La Veille de Noël. 1822. Méditation*”, 25 декабря 1822 г. (Л. 83–85), “*Romance*” (“*Toi qu’un sort propice & funeste ...*”), б. г. (Л. 85 об.–86), “*Aux détracteurs de la Russie. Imitation libre de Pouchkine*”, сентябрь 1831 г. (Л. 86 об.–87 об.), “*Le Bal*”, 1838 г. (Л. 88–89 об.), “*L’insomnie*”, б. г. (Л. 90–90 об.), “*Les Adieux*”, б. г. (Л. 91–91 об.), “*A une jeune Reine*”, б. г. (Л. 92–92 об.), “*La Folle*”, сентябрь 1838 г. (Л. 93–93 об.), “*Low spirits*”, июль 1840 г., (Л. 94), “*L’intimo affano*”, б. г. (Л. 94), “*Vision*”, март 1842 г. (Л. 94 об.–95), “*Vision*”, март 1844 г. (Л. 95 об.–96), “*Absent Friends!*”, 30 марта 1844 г. (Л. 96 об.–97 об.), “*Au delà des Alpes. Fragmens*”, 1843 г. (Л. 98–99 об.), “*Una furtiva lagrima ...*”, июль 1848 г. (Л. 100), “*Où les destins du monde ont abouti deux fois ...*”, б. г. (Л. 101), “*Rome. 22 Août / 3 Septembre 1843*” (Л. 115, на отдельном листе). Кроме того, в архиве Уварова сохранились черновики его литературных текстов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 123), среди которых находятся стихотворения, не вошедшие в два рукописных сборника. — М. Б. Велижев.

Литература

- Баратынский 1936: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1936.
- Батюшков 1977: *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе / Изд., подгот. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977.
- Белинский 1954: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. Статьи и рецензии 1841–1844.
- Березкина 2013: *Березкина С. В.* Отклик В. А. Жуковского на брошюру С. С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813) // *Жуковский: Исследования и материалы.* Томск, 2013. Вып. 2. С. 151–164.
- Бонди 1978: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978.
- Вацуру 1994: *Вацуру В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». Л.: Наука, 1994.
- Виноградов 1941: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ, 1941.
- Вяземский 1878–1896: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1878–1896.
- Вяземский 1986: *Вяземский П. А.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и прим. К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986.
- Гуковский 1965: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965.
- Дельвиг 1986: *Дельвиг А. А.* Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуру. Л.: Художественная литература, 1986.
- Жуковский 1999–2018: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 1999–2018. Т. I–XV.
- Кюхельбекер 1967: *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Н. В. Королевой. М.; Л.: Сов. писатель, 1967.
- Летопись 1991: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826* / Сост. М. А. Цявловский. Л.: Наука, 1991.
- Ломоносов 1959: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764.
- Михайлова 1986: *Михайлова Н. И.* К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // *Временник Пушкинской комиссии.* Л.: Наука. 1986. Вып. 20. С. 150–153.
- Модзалевский 1999: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб.: Искусство – СПб, 1999.
- Мурьянов 1995: *Мурьянов М. Ф.* Пушкинские эпитафии. М.: Наследие, 1995.
- Пушкин 1937–1959: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Пушкин 1959–1962: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Пушкин 1999: *Пушкин А. С.* Сочинения. 1813–1817. СПб., 1999. Т. 1. Лицейские стихотворения.

Пушкин 2004: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004.

Топоров 1983: *Топоров В. Н.* Младой певец и быстротечное время (К истории одного образа в русской поэзии первой трети XIX века) // *Russian Poetics. Proceedings of the International Colloquium at UCLA, September 22–26, 1975.* Columbus: "Slavica", 1983. P. 409–438.

Almanach 1812: *Almanach des muses.* MDCCCXII. Paris: chez F. Louis, 1812.

Anacreon 1692: *Les oeuvres d'Anacreon et de Sapho: contenant leurs poesies, & les galanteries de l'ancienne Grece.* Paris: chez Charles Clouzier, 1692.

Anacreon 1712: *Les Odes d'Anacreon et Sappho.* Rotterdam: chez Fritsch et Böhm, 1712.

Bayle 1702: *Dictionnaire Historique et Critique* par Mr. Bayle. Rotterdam: chez R. Leers, 1703. 3 vol.

Cauderlier 1984: *Cauderlier P.* Comment Anacréon mourut-il ? // *Revue des études Grecques.* T. 97, fasc. 462–464. 1984. P. 531–533.

La Harpe 1813: *La Harpe J.-F. de.* Lycée, ou, Cours de littérature ancienne et moderne. Т. 2. Paris, 1813.

Maigron 1910: *Maigron L.* Le romantisme et les moeurs: essai d'étude historique et sociale, d'après des documents inédits. Paris: Champion, 1910.